

...Поезд Москва—Саратов, на котором я ехала в гости к Григорию Ивановичу, опаздывал. Я волновалась — сегодня будет меньше времени для нашего разговора. А на завтра в Саратове открывалась городская партийная конференция, на которой Коновалову необходимо присутствовать — ведь он член обкома партии и депутат областного Совета...

Погода в Саратове стояла такая же, как и в Москве: ни тепло, ни холодно. Мы шли с Григорием Ивановичем по улицам старого университетского города, и писатель рассказывал мне об истории его площадей, памятников, о новых застройках...

— Вот парк, в нем дубы посажены французскими военнопленными в 1812 году; а вот площадь у Волги, на которой когда-то Емельян Пугачев творил суд; а это железнодорожные мастерские — в них слесарем начинал свой путь писатель, член партии с 1914 года Виктор Бабушкин... А вот она, матушка-Волга с Казачьим островом. За Волгой, на Левобережье, приземлился Юрий Гагарин...

Из «кандидатской» семьи писателя (жена, дочь, сын и зять — все кандидаты наук) дома были только жена Бетти Ефремовна и белоголовая шестилетняя внучка Алёнка. Сын, дочь и зять в это время находились в Москве.

Наша беседа, начатая еще на улицах города, продолжалась в кабинете писателя.

— Если бы вам, Григорий Иванович, пришлось повторить жизнь сначала, то как бы вы ее прожили?

— Счастливы уверяют, что, доведись им жить сызнова, они бы повторили свою жизнь с точностью безупречной копии. Я бы не хотел повторения из чувства милосердия к отцу, деду и бабушке, к братьям и сестрам, до времени погибшим от пуль, голода и надрыва. А без родителей, без родных и близких разве мыслимо повториться в своей индивидуальности? Да и любопытства ради я доверился бы случайной игре природы — у нее много вариантов жизни...

К чему постоянно, наверно, как и все, возвращаюсь, так это к невозможному — к основе всех основ — к детской поре. В детстве закладываются все зачатки положительного и прекрасного. Потом уж трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства, как сказано у Федора Достоевского. Он же сказал еще, что человек — это целый мир, было бы только основное побуждение в нем благородно. Доброта, всепонимание, мужественная совесть — вот свойства моей семьи, рано разметанной вихрем крутого времени.

В нашей семье были сочинения Пушкина, Льва Толстого, Некрасова. Читал я и Ивана Вазова. А песни народные пели два хора в родном селе Боголюбовка... И школьная библиотека была не бедной. Ученик знал классических стихов едва ли меньше, чем современный его одноклассник.

...Да, жизнь... Повторить она сначала, пахал бы, сеял. Не исключено, что и заработал бы награды, как мои сверстники... Что гадать? Человеку не так-то просто жизнь прожить. Это только прыткая начитанная личность воображает себя чуть ли не диспетчером вселенной...

Возможно, писал бы я даже в старой Боголюбовке, потому

что бумагу мараить начал с отроческих лет, норовя подражать то «Власти тьмы» Льва Толстого, то лермонтовской прозе. Плодил и стихи...

...А в общем-то, жизнь моя была самая что ни на есть обычная, такая же, как у многих моих сверстников: работа в поле, в железнодорожных мастерских, учеба на рабфаке, в пединституте, служба на флоте, во время войны... Вот только многие погибли... Вечная память им...

Ярна и богата выразительная и запоминающаяся речь Григория Ивановича. Обо всем он рассказывает в лицах, прекрасно владеет интонацией, сильным, глубоким голосом. Писатель словно проигрывает перед собеседником впечатления и ощущения тех дней, как бы заново переживая минувшие события, буквально входит в образ, что и дает

**В ГОСТЯХ
У ПИСАТЕЛЯ**

Г. Коновалов часто и по праву называют художником остросоциальным. Все его книги, повествуют ли они о дне сегодняшнем или вчерашнем, обращены и проблемам, волнующим и тревожащим человека во все времена, и тем самым нравственным истокам, которые питают душу и жизнь народную, тем самым вечным ценностям, по которым поверяется человек, определяются достоинства его человеческого звания на земле.

На вопрос, как писатель понимает социальное назначение искусства, Григорий Иванович ответил так:

— Великая река жизни человечества, запечатленная в поэзии, не терялась ни в обломках рабовладельческой античности, ни средневековья, ни — говоря более конкретно — в

2207 Григорий
КОНОВАЛОВ:

И ЖИЗНИ ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ...

ему возможность достоверно и доверительно передать характеры действующих лиц...

— Вот так, — делает паузу в рассказе Григорий Иванович, привычным движением руки поглаживая свою окладистую бороду, и на некоторое время замолкает.

— В силу биографических обстоятельств — родом я из Оренбургского края, отец погиб в 1919 году — и особенно, по-видимому, склада характера я увлекался военной литературой, историей. Изучал я в ту пору мемуары, записки о первой мировой войне, воспоминания революционеров... Старался вникнуть в судьбу родных, близких, знакомых. Споры в литературных объединениях шли горячие, безоглядные. Заочно своими творениями участвовали в живых разговорах Горький, Есенин, Маяковский, Леонов «Барсуками» и «Вором», Шолохов «Тихим Доном». До 1929 года спорили о том, кто важнее на земле: рабочий или мужик...

Люди разных профессий и судеб как-то само собой составлялись в моем сознании, обогащая мою изумляющуюся душу мучительными загадками бытия.

Попытка соединения рабочей и ученой частей человечества была предпринята в романе «Университет». Мало зачерпнул я из моих наблюдений, переживаний, часто очень неуютных размышлений о своей жизни, насколько она нужна людям и вообще оправдана ли? Профессор Богучаров (действующее лицо в романе) до сих пор остается для меня загадкой, саднящей душу.

Роман еще при подготовке к печати в 1940 году подвергся довольно размахистым ударам критики во время обсуждения в Союзе писателей СССР в Москве. Критики усмотрели в романе попытку автора проткнуть старую поэтику «критического реализма». Смерть одного из героев, Ильи Кожарова, утверждали они, — явление нетипичное в нашей действительности...

Разговор приблизился к теме назначения советского писателя, воспитания нового человека. Г. Коновалов согласился, что время наше, когда на долю рабочего класса выпала миссия создать на земле бесклассовое общество, особенно: народ, в слободательство, и ку-

предреволюционной России — мощь реки этой не слабела, а обогащалась, вбирая творчество Горького, Леонова, Шолохова, Есенина, Маяковского. Так что, будучи сынами своих веков, живя повседневностью, Гомер, Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин, Достоевский, Лев Толстой принадлежат одновременно человечеству. Известна другая немаловажность в тайне поэзии: дарование одного поработавшего поэта нельзя передать из рук в руки другому — молодому. Оно — не наследие престола, не должность, которую доброхот-начальник, уходя на пенсию, мог бы передать своему молодому заместителю...

**На холмах Грузии лежит
ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко;
Печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...**

Менялись цари, царства-государства, а поэзия, презрев времена, не умирала. Может, потому ни один властелин не утонул в могилу вместе с собой, ведь поэзия — душа народа, и владкий при всей своей заносчивости всегда жаждает, чтобы на камнях могильных были начертаны стихи.

По крайней мере сами поэты догадывались о долговечности своих творений: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...»

Художник воссоздает, заново творит современную ему реальность. Из быстротечных судеб людских создает бессмертие, удерживая тем самым жизнь от тления. И чем глубже постигает поэт человеческое сердце, процессы общественной жизни, тем он безошибочнее ориентирован на социальное и вечное.

Разговор приблизился к теме назначения советского писателя, воспитания нового человека. Г. Коновалов согласился, что время наше, когда на долю рабочего класса выпала миссия создать на земле бесклассовое общество, особенно: народ, в слободательство, и ку-

добрники его идут в авангарде прогрессивного человечества, и это обстоятельство обязывает упорной работой повышать уровень мышления, поэтического мастерства.

— И порой диву даешься, — продолжает Григорий Иванович, — как это при своей обычной физической стати бывает иной способен поднять на ступень бессмертия, воплотить в живые типы разноглазое, разнохарактерное, кипящее страстями поколение; героическое, почитающее, погибающее, побеждающее...

Все герои произведения (самые светлые и самые мрачные) вскармливаются таинственным авторским веществом, именуемым талантом. Жизнь открыта для всех, но художественное бессмертие дает ей лишь талант. А поскольку талант обрекает человека, кому он дан, на тяжкий труд до последнего вздоха, то он, талант, является наградой особого свойства: обрекает человека на полное самоисчерпание, как бы в наказание за что-то.

...Тут беседу прерывает Алёнка. Она входит в комнату с большим альбомом в руках. Я прошу Григория Ивановича показать его. Он открывает альбом, и первое, что бросается в глаза, — фотографии женщины со спокойным, немолчаливым лицом, в простенькой, на все пугавицы застегнутой кофточке. Это мать писателя, ее образ особенно зримо передан в рассказе «Тетка Матрена». А это брат Тимофей... А это... С пожелтевших листов бумаги смотрят разные люди, но все они так или иначе вошли в жизнь писателя, и их опыт, поступки, их жизнь чудодейственным образом преломилась и в жизни Григория Ивановича, и стало быть, в его творчестве... Но вот альбом закрыт.

И, видимо, прошлое снова властно напоминает о себе.

— Этим летом был я на родине. Поднялся на Беркутиную гору. По-прежнему живут там два беркута. Один-то все долго летал надо мною... Пока живут...

Григорий Иванович — интереснейший собеседник. Диапазон его размышлений необычайно широк. С одинаковым увлечением, поражая слушающего и острыми наблюдениями, и своим особым, «коноваловским» видением мира и людей, рассказывает он о недавней встрече с Леонидом Максимовичем Леоновым...

— Для современника время еще не высветлило глубины леоновского таланта; грядущие поколения откроют в нем не постигнутое нами, ибо глаза наши сильно раскосят удивительные явления в литературе: подлинная поэзия и имитация ее. Правда, тут мы неоригинальны — вечно рядом с искусством процветает подобие его. Мастерская Леонова не по соседству с мастерской народа, а в самой сердцевине секретнейшего цеха, где выплавляются духовные ценности бессмертного русского слова. Не стареют кровеносные сосуды, соединяющие поэзию Леонова с «Медным всадником», «Ревизором», «Братьями Карамазовыми», «Войной и миром», в летящими — со всем

славным наследием, которое не смыли волны потрясений, ибо знак вечности оттиснул на них творческий гений. Леонов — в самом эпицентре бытия XX века. Многим из его героев гарантирована долгая жизнь в художественном самосознании народа русского...

— Как рождаются герои ваших книг? Есть ли у них прототипы? — спрашиваю Григория Ивановича.

— Заявляю, что ли, того или много образа бывает удивле-

ние тем или иным человеком. Потом далеко уйдешь от первого толчка. Конкретных прототипов у меня под рукой нет. Иногда случайно пойманный взгляд человека рождает в душе животворящую фантазию, и начинают в твоём воображении лепиться образы. Все вроде бы как в жизни — и все не так. Даже местность, земля, день и ночь. Можно говорить, и то условно, о том, что близкие, родные, знакомые навеяли тот или иной образ, но сами никогда не служили для меня прототипами. Стыдом и даже грехом было бы для меня мелевание с них портретов, особенно в привычке некоторых нынешних авторов — раздвигать донага своих героинь.

В одной статье, посвященной Г. Коновалову, я встретила утверждение, что многие герои писателя по натуре своей — максималисты. Когда зашла с Григорием Ивановичем об этом речь, он помолчал. Потом улыбнулся:

— Да какие они максималисты! Просто обыкновенные люди. Мне больше по душе люди смиренные, совестливые, часто в ущерб себе. Они — сердцевина нации, думаю. Крайности чужды мне были всегда, да и в истории народа они лишь временами брали верх, потом шумно сходили на нет. И писал я обычных совестливых людей с первых моих рассказов и до последнего романа (покуда еще не напечатанного). Сродники, близкие они мне, эти совестливые: Матрена («Тетка Матрена»), Гурка («Калмыцкий брод»), Нагайцев («Университет»), Марья («Былинка в поле»), Михаил Крупнов («Исток»). Чувствую подобные люди какую-то вину свою; обжигающая совестливость не покидает их. «А самая большая моя вина в том-то и состоит, что не погиб я на войне», — думает один из героев моих. Люди эти — «по природе рядовые»...

— А что, по-вашему, есть творчество?

— Творчество, — отвечает Григорий Иванович, — есть самая глубокая сущность человечества. Это — сам человек в своем историческом развитии. Топор ли он сделал, огонь ли добыл, стихи ли сочинил, ракету ли придумал... Вся жизнь человека по сути своей представляет творчество. А разве дитя воспитать матери — это не творчество? Человек только потому и человек, что он творец.

Самым великим социальным творцом на земле, считаю я, был великий Ленин. О нем моя будущая книга.

Г. Коновалов увлекается и долго, страстно говорит о В. И. Ленине.

— В Ленина верили и верят миллионы людей мира. Даже его враги признавали, что Ленин наиболее ярко воплощал в себе гениальность. Ленин — явление пророческое.

Есть характеры и судьбы пока что неподъемные, непосильные искусство по разным причинам временного или постоянного свойства. Да и возможно ли артельно разновозрастного, разноталантливого состава лепить единый образ? Не слишком ли простенько? Современники Ленина говорят, что он — монолит. А тут каждый молодец творит на свой образец. Конечно, Ленин — как вселенная: вроде и открыта, и одновременно бесконечна в ее постижении.

Г. Коновалов на память цитирует многие архивные документы, воспоминания сподвижников Владимира Ильича, точно и интересно передает хронику событий тех лет... Словом, «налицо» доскональное знание «темы»...

Наша беседа подходит к концу. Последний вопрос: — Что бы вы, как писатель, проживший большую и — не будем скромничать — плодотворную жизнь в литературе, хотели пожелать молодым, начинающим литераторам?

— Многие лет жизни, здорового (без вывихов) развития дарований. Писателям возрастной поры 25—50 лет свойственны нравственное мужество, верность своему призванию. Духовная зрелость позволяет им лишь улыбнуться на «шумный успех» некоторых, в том числе одаренных, баловней современности и снова продолжать работу...

...Несколько дней назад я получила от Григория Ивановича письмо из Саратова, в котором он рассказывал о последних новостях. Были в письме и такие строчки:

«По-прежнему живу в истории, то есть стараюсь художнически разобраться в судьбах русского народа... хотя бы для себя постигнуть эти судьбы, никому не угрожая тем, что выскажу постигнутое мною...»

Р. БАРУЗДИНА,
специальный корреспондент «ЛГ»

САРАТОВ—МОСКВА